

Круглов Е.А.

Аристеева Гиперборея: "профанная" география или сакральный идеал?

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1428>]

[Публикация работы:]

Круглов Е.А. 2003: Аристеева Гиперборея: "профанная" география или сакральный идеал? // Исседон (альманах по древней истории и культуре) / А.В. Зайков (отв. ред.). Т. 2. Екатеринбург, 5-15.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAVL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Аристеева Гиперборея: «профанная» география или сакральный идеал?

Е.А.Круглов (БашГУ, Уфа)

Тема Гипербореи, страны блаженных избранных богов, отнюдь не новая в академической, особенно германоязычной¹, науке начала 20 века, в конце того же столетия в условиях политизации общественного мнения – стала вдруг обретать новое и весьма специфическое звучание в ряде работ, исполненных, по определению В.А.Шнирельмана², в духе «третичной» мифологии. И если «первичная» (или архаическая) была тесно связана с магией и шаманским ритуалом поздне-родового социума, «вторичная» - с началом кризиса античной классики (Платон, Эвгемер), то ныне мифы ученых служат нередко основой квазинаучных теорий в многочисленных «национально-патриотических теорий»³.

В этом отношении «арийская прародина» Гиперборея с Рифеями, как ориентиром в поисках локализации, оказывается для одних поводом к этно-политическим построениям, для других - объектом серьезных штудий, далеких от квазинаучной профанации.

Между тем, таковая опасность в проблеме «Гипербореи -Рифеи» заложена едва ли не изначально, так как главная в рифейском хребте гора Меру, согласно Махабхарате (XII, 336,39-40), располагалась как раз возле «белого острова» Шветадвипа на берегу Молочного Океана. Последний же, равно как острова Левка и Аваллон, Мирча Элиаде не без оснований относил к архетипам трансцендентного совершенства (идеала) в индо-европейской традиции, но отнюдь не к «профанной» географии⁴ с ее поисками «островов блаженных» и Шамбалы.

Похоже, сходным образом обстояло дело и в отношении Гипербореи, особенно на самых ранних этапах становления античной традиции. Так, согласно Геродоту (IV, 32), о легендарных северянах было ведомо уже Гомеру в «Эпигонах» (по другим версиям, эту поэму написал в VII веке теосец Антимах) и Гесиоду, однако его «Каталог женщин» по интересующей нас теме дошел слишком фрагментарно. Зато Пиндар чуть позднее четыре раза в своих эпиках (Пиф.X.29; Истм.VI, 23; Ол. III, 16; Пеан. VIII, 63) в виде попутных вставок упоминал гипербореев, которые, возможно, призваны были служить своеобразным длительным наглядным ориентиром для олимпийцев с их краткосрочными успехами. При этом для самого Пиндара факт историчности блаженных

¹ По своему исчерпывающие и исполненные в позитивистическом духе сводные обзоры этой темы см.: Daebritz R. Hyperboreer // RE.Bd.IX. Hbbd.17 1914. Sp. 258 sq; Geisau H.v. Hyperboreioi // Der Kleine Pauly. Bd. II. 1979. Sp. 1274-1275; Becher I. Hyperboröer // Lexikon der Antike. Lpz., 1979. Sp. 248.

² Шнирельман В.А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. Вып. 3. М., 2000. С. 13 сл.

³ Коренько В.А. Этнонационализм, квазиистория и академическая наука // С. 44 сл.

⁴ Элиаде М. Мefистофель и Андрогин. Спб., 1998. С. 42-43

северян сомнению как будто не подлежал. тогда как в отечественном антиковедении конца 20 века творец эпиникиев начал оцениваться⁵ едва ли не как «провидец» кризисного для полисов IV века и, соответственно, провозвестник утопии -- болезненной реакции части граждан на реалии той эпохи. Равным образом и идиллические картины блаженного бытия гипербореев, при таком подходе к Пиндару, воспринимаются в духе чисто сказочного мотива. Это как будто подтверждается наличием у него другой, часто встречаемой, темы -- об Островах блаженных, каковая в античном социуме действительно со временем станет архитипичным тропом всех утопических построений, достигнув своеобразного апогея ко временам Августа⁶, когда утомленные столетними гражданскими войнами общество Рима действительно жило утопиями и жаждало их воплощения «гением» последних Юлиев. Возводя же с поразительным упорством истоки великодержавно-римского мифа о «золотом веке» к пресловутому IV веку Балкан, можно среди наследников Пиндара «увидеть» Феопомпа с его Меропией, веком спустя – Эвгемера с Панхайей, а еще через 200 лет – Солнечный остров Ямбула. Именно в такой последовательности анализирует эволюцию социальной утопии античности В.А.Гуторов⁷. увязывая, однако, построения Эвгемера и Ямбулы с идеями Пифагора, Платона и Аристотеля и не задевая при этом автора гимнов олимпийцам, в чем непредвзято мыслящий философ, несомненно, прав.

Ведь еще 2 тыс. лет назад Панхайя Эвгемера и Солнечный остров Ямбула были достаточно подробно – и без всяких ссылок на «предтечу» Пиндара – описаны Диодором (II,55-60; V,41-46), который при этом вскользь упомянул и острова гипербореев, располагавшиеся где-то напротив Кельтики (II,47). Как известно, Диодор следовал в этом вопросе «Генеалогиям» Гелланика и «Землеописаниям» Гекатея, а последний – как и Пиндар – специально подчеркивал отделявшие гипербореев от суетного мира людей северный ветер Борей и Рифейские (Рипейские) горы, к теме локализации которых мы еще обратимся.

Сейчас же отметим, что помимо идеальных островных государств античная мысль «генерировала», как Зевс – Афины, еще и спектр идеализированно-высоконравственных варварских народов. Открывали этот своеобразный реестр гомеровские феаки, эфиопы и ливийцы (Ил. I, 424; XXIII, 206 сл; Од. I, 19сл; IV, 85сл), к которым при Геродоте добавятся непобедимые галактофаги – скифские соседи – агафирсы и массагеты (I, 201;

⁵ Фролов Э.Д. Факел Прометея. Л., 1991. С. 362-365; Чернышов Ю.Г. Характерные черты греческой социальной утопии // Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья. Барнаул, 1989. С. 7 сл.

⁶ Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. - Новосибирск, 1992, ч. I. С. 77-78

⁷ Гуторов В.А. Античная социальная утопия. Л. 1989. Гл. III. С. 83 сл.

IV, 102), а при Страбоне еще и *abioi* – «бедные» кочевники того же Северного Причерноморья (VII, 3.2-10). По мере того как греческая колонизация и римская имперская экспансия с неуклонностью расширяли горизонты античной Ойкумены, для поздней античной традиции этот ареал «благородных дикарей» стал все более смещаться к северу, подальше от границ реального домината Вечного Города.

Так, у Помпония Мелы (III, 8-10) обширные пассажи посвящены известным еще по «скифскому логосу» Геродота стерегущим золото грифам и одноглазым аримаспам, чья историчность поныне в отечественной традиции продолжает находиться под большим вопросом⁸.

А в виду того, что в упомянутом перечне этносов у Мелы упомянуты и гипербореи (III,5), их судьба в плане историчности оказалась, естественно, столь же проблематичной. Вслед за Геллаником, Пиндаром и Геродотом Диодор (II, 47) живописал безоблачную жизнь богоизбранного этноса на островах «за Бореєм», куда раз в 19 лет на лебединой колеснице прилетает Феб-Аполлон, дабы отдохнуть на время от забот балканских под хоралы и гимны блаженных земляков.

К сказанному Диодором Мела добавлял, что, будучи справедливыми и праведными вегетарианцами, гипербореи – *andres makares* – не знали ни войн, ни болезней, а из жизни уходили добровольно, увитые гирляндами цветов (III,5), в небытие – море. Важно отметить при этом, что поздняя традиция упоминает в подобных пассажах логографов Гекатея и Гелланика лишь вскользь, основной же упор в сообщениях о гипербореях делая на «отца истории». Между тем, сам-то Геродот (IV,36) не сильно верил в эти легенды Делоса о дарах гипербореев и их древние гимны (*archaioi hymnoi* → Аркаим?!...), но по принципу своему «передавать все, что рассказывают» донес до потомков и этот пассаж, ссылаясь на свой «первоисточник» в лице Аристея Проконесского. Таким образом многовековая традиция оказывается восходящей не к логографам, не к «пионеру»-провидцу «кризиса полиса» Пиндару и даже не к великому галикарнасцу, а к автору «Аримаспей» с берегов Пропонтиды. Фигура же последнего, хотя отрывки из его поэмы еще в 10 в. н.э. не вызывали сомнений у Свиды, остается в современной науке достаточно амбивалентной. Причиной чему во многом служит известная экстравагантность его поведения, накладывающая в свою очередь определенный отпечаток на все, с ним связанное и им лично (? - Е.К.) увиденное в ходе многочисленных его престранных путешествий. Еще Геродот (IV,13-16) отмечал столь поражавшие сограждан длительные

⁸ Обстоятельный историографический свод работ по указанной теме с источниковедческим анализом проблемы содержится в целом ряде исследований, в т.ч.: Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 141 сл.; Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 246 сл.; Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992. С. 203 сл. Ср.: Полосьмак Н.В. Стерегищие золото грифы. Новосибирск, 1994.

исчезновения жреца-поэта, но еще больше – поразительное возвращение Аристея из краев аримаспов и гипербореев на родину для продолжения ревностного служения Фебу через 240 (!) лет после отбытия в необычную по направленности командировку. Неслучайно в новое время возникла даже идея, учитывая сообщения Геродота (IV.16) об установке памятников Аристею возле храма Аполлона, рассматривать проконнесца не как реального жреца Феба, а в качестве сего своеобразного двойника, чье теофорное имя – не что иное, как эпikleза Мусагета... Подобный подход, не лишенный своего резона, разумеется, имеет право быть. Однако при таком понимании геродотового рассказа его аксиологическая составляющая практически полностью элиминирует историко-географический аспект пассажа, переводя его исключительно в сферу сакрально-мифологического инобытия.

Последнее, как известно, было имманентно присуще эллинам и их предтечам – пеласгам (а полукариец Геродот и был микс: полугрек – полупеласг⁹) как составная часть их евразийского, восточного по субстрату¹⁰, мировоззрения, где органически дополняли друг друга в целостном восприятии бытия сакрально-небесное и профанно-земное, сплав которых в Логосе Геродота уже 25 веков очаровывает потомков. Искусственное по форме и метафизическое по сути разъятие этих «инь и янь» античной ментальности происходит, как известно, уже позднее, когда средневековые схоласты начинают абсолютизировать дискурс «Богова» от «кесарева» с далеко идущими политическими выводами, незаметно для себя иссушив к Новому времени полнокровную евразийскую гармонию мышления до гиперрационализма европейского анализа. И если наследники «школы Анналов», преодолевая современный миф об исключительном рационализме древних греков все более обращают внимание и на иррациональное, как неотъемлемую и необходимую составляющую гармонично-целостном сознании эллинов¹¹, без чего невозможно реконструировать сегодня их историко-географические и этнополитические реалии (и - и), то в отечественной науке – по крайней мере, в данном аспекте – сохраняется наследованный от схоластов общеевропейский троп «или - или».

При подобном подходе Фукидид, к примеру, вполне может быть определен академистом-рационалистом (и едва не атеистом), а «отец истории» – не последовательным приверженцем мифофилии. Аристей же, основной источник всей наследуемой ему античной традиции о Рифееях и Гипербореях, в подобной жестко

⁹ Круглов Е.А. Юго-западная Анатолия в протоэллинистический период. Уфа, 1998. С. 16-23, 42-44.

¹⁰ Всесторонний анализ многоаспектной темы мировоззрения населения Эгеиды III–II тыс. до н.э., в том числе пеласгов и протоэллинов, дан в посмертно вышедшей монографии Ю.В. Андреева: От Евразии к Европе. СПб., 2002.

¹¹ Приведем в качестве примера этого направления, по крайней мере, два новейших переводных издания, вышедших в оригинале еще около полувека назад: Доддс Э.Р. Греки и иррациональное СПб., 2000; Фестюжьер А.-Ж. Личная религия греков. СПб., 2000.

формируемой «альтернативе» неизбежно оказывался за границами исторически достоверной и, соответственно, рационалистически интерпретируемой традиции, составляя общий ряд вслед за легендарными Орфеем, Мусеем и Лином, но впереди (хронологически?) столь же былинного земляка Латоны, «Небохода» и стрелоносца Абариса¹². А так как за восприятием личности теми исследователями, чье мнение жестко детерминировано априорно-заданными постулатами, с неизбежностью следует перенесение ими оценок персоны на его творчество, то совершенно не удивительно порой встречать в научной литературе и соответствующие пассажи по адресу проконнесца. Дошедшие в передаче Геродота его «сдобренные фантазией картины из жизни окраинных народов»¹³ одни воспринимали со снисходительностью постпозитивизма как фольклорную полуправду. Другие же, истолковывая данные Аристея сугубо в мифопоэтическом ключе, готовы были усомниться – в поисках рационального зерна – если и не в существовании самого жреца-поэта, то уж во всяком случае в «мифических народах гиперборейского круга: гиперборейях, аримаспах, исседонах»¹⁴.

Конечно, здоровая доля скепсиса в науке – вещь просто-таки необходимая, если, конечно, при этом знать и не нарушать меру, как советовал еще в VI веке до н.э. спартанец Хилон. Вот с этой-то мерой, выработанной древними эллинами, их потомки в ладах были не всегда. Применительно к Аристею, например, Страбон с запальчивостью экспансивного грека однажды позволил себе мало тактичное выражение «шарлатан, как ни кто другой» (VIII, 16). Сходно «отец географии» «оценил» и другого пилигрима древности – Пифея из Массалии, который где-то среди льдов и туманов севернее Шотландии в IV веке до нашей эры достиг «ultima Thule» - крайнего севера античной Ойкумены. И в награду за это удостоился от уязвленного, кабинетного в конце жизни, географа определения – «самый большой лгун» (*aner pseutestatos* – I,4,3).

Замечательно, однако, что вслед за подобной оценкой «лжеца» Страбон еще не раз (II,5.8; IV.5.5) будет ссылаться на него, в том числе и в вопросах уточнения географического положения Туле! Последнее же обстоятельство, не будучи предметом чисто кабинетной схоластики, волновало на рубеже эр (да и раньше) античный социум всерьез, поскольку речь шла о реальных пределах Ойкумены на севере¹⁵. Собственно, и само название Thule, как сообщал позднее Прокопий Кесарийский (Bell. Goth. II, 15 sq),

¹² Именно в такой последовательности (с рядом добавлений) они и представлены в вышедших по ред. А.А.Лебедева «Фрагментах ранних греческих философов». Ч.1. М., 1989. С. 36 сл. 94-97.

¹³ Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 371.

¹⁴ Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 6, особенно 37.

¹⁵ Обстоятельства плавания Пифея и перипетии его последующего восприятия, после работ А.Б.Дитмара (В страны олова и янтаря. М., 1963) и И.П. и В.В.Магидовичей (История открытия и исследования Европы. М., 1970), получили наиболее обстоятельное освещение в исследовании Н.С.Широковой: Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб., 2000.

происходит от кельтского *Thual* – «север, земля севера», что до известной степени сближает векторы направленности движений обоих пилигримов, Пифея и Аристея. Правда, Прокопий ссылался при этом на *Thual* – *Thule* в языке конкретно локализованных кельтов Ирландии, чья широтная локализация уже сама как бы подсказывала искомый азимут. Сложнее в этом плане обстояло с Туле остального кельтского мира, ведь со времен Гальштата и Ла Тена галло-кельтские племена были известны от Малой Азии и Дуная до Британии и Скандинавии, где их либо полагали соседями гипербореев (Гекатей Абдерский у Диодора – II, 47), либо прямо отождествляли с последними (Plut. *Kam.* 22.2). При этом не забывали и неперемный ориентир «земли блаженных» - Рифеи, которые во II веке до н.э. Посидоний прямо считал древним наименованием Альп, а кельтские обитатели которых «одними из первых были выделены античными авторами из неопределенного понятия «гипербореи»¹⁶.

Это вышеприведенное наблюдение авторитетных отечественных антиковедов, разумеется, верно, но требует небольшого, в сущности, дополнения, а точнее – поправки на общепринятую практику перенесения мигрантами старых названий «исторической родины» на новые места обитания. Так что позднему обозначению Альп вполне могли предшествовать, как нам кажется, посидониевы Рифеи – с учетом, однако, того существенного обстоятельства, что и в центре Европы оно было отнюдь не исходным, а транзитным, подобно тому как сам альпийский Гальштат был в истории галло-кельтского мира станцией крупного, но все-таки транзитного назначения.

Исходным же, в свете новейших данных кельтской археологии¹⁷, все большее количество исследователей начинают признавать регион крайнего востока Европы, где ее стыком с северо-западной Азией служат еще одни горы, ныне именуемые Уралом.

Именно сюда, на его северные рубежи, скорее всего, держал путь одержимый Фсбом проконнесец Аристей. Пережив наветы ревнивых кабинетных зоилов античности и академический гиперкритицизм¹⁸, фигура загадочного уже при жизни Аристея в конце 20 века вновь была «воссоздана из небытия», подобно Голему Франкенштейна, в отечественном антиковедении благодаря, прежде всего, трудам А.А.Нейхардт, А.И.Доватура, А.И. Иванчика и И.В.Куклиной. Правда, последняя, упомянув о наличии и

¹⁶ Колосовская Ю.К., Шкунаев С.В. Кельты в Европе в первой половине I тыс. до н.э. // ИЕ. т.1. С. 203.

¹⁷ Ср. в этой связи взгляды кельтологов сер. 20 века и выводы археологов кануна 21 века: Hubert H. *Les Celtes et l'expansion celtique*. P., 1950. p. 26 sq; Powell T.G.E. *The Celts*. L., 1958 pp.10–18; Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М., 1974. С. 236–242; Григорьев С.А. Древние индоевропейцы (опыт исторической реконструкции). Челябинск, 1999. С. 263 сл., ср. 378 слл.

¹⁸ Наряду с исполненными изрядного скепсиса исследованиями Л.А.Ельницкого, европейское антиковедение в те же самые годы пополнилось трудами, несомненно, позитивной направленности по части жреца Аристея и его наследия: Хённиг Р. Неведомые земли. т.1. М., 1961.; Bolton J.D.P. *Aristeas of Proconnesus*. Oxf., 1962.

восточной традиции о Рипеях (Рифеях), сосредоточила свое внимание на анализе исключительно античной нарративной традиции, от Гекатея и Пиндара до Птолемея включительно (с явным предпочтением выводов александрийского астронома и картографа), по итогам которого о маршруте Аристея последовал вердикт, что горы Урала “не отвечают ни одной характеристике, данной античными авторами Рипейским горам”¹⁹, с которыми, соответственно, был отождествлен Тянь-Шань.

Между тем, александриец по городам даже римских провинций не всегда давал верные координаты, доверяясь Марину Тирскому, а Европу Южную и Восточную (Сарматия) знал лишь со слов купцов и, хотя исправил ошибку Страбона по поводу формы Каспия, рельеф Сарматии знал-таки откровенно слабо: гиперборейские горы на его карте тянутся неподалеку от полярного круга с запада на восток²⁰... В отличие от александрийца с его умозрительно-кабинетными построениями, Аристей до отрогов Рифеев доходил по общему мнению лично, а потому его описания исседонов, аримаспов и ряда других гиперборейских соседей (гипобореев? – Е.К.), вполне укладываются в круг нынешних знаний археологов, этнографов, лингвистов и антропологов о древнем населении Камско-Уральского региона, контактной зоны длительного теснейшего взаимодействия финно-угорского и индоевропейского (индо-арийского) языковых миров²¹.

Нельзя, разумеется, отрицать в истории с Аристеем наличия некоторых весьма серьезных неясностей, ведь и сама личность одержимого жреца-поэта вызывает у ряда исследователей²² известное сомнение: слишком очевидно в рассказах о полете его души в виде ворона наличие черт алтае-сибирского шаманизма. В силу чего и Гиперборею, где легендарный Атлант держал на плечах небо в ходе посещения его Гераклом (Apolloд. II.5,11) и куда в поисках Туле в IV веке до н.э. плывал исторически вполне реальный Пифей, относят порой к сфере сакрально-мистического инобытия. Но если земля блаженных гипербореев, подобно тибетской Шамбале, доступна лишь избранным (да и то в моменты их экстатического озарения), быть может, теряет смысл сама идея поиска ее в реальных координатах Ойкумены?

Впрочем, последнее есть не что иное, как возвращение к средневековой методике европейской схоластики «или-или», тогда как мышление и опосредованное им

¹⁹ Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 80.

²⁰ Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М., 1982. т.1. С. 118–119.

²¹ В числе последних исследований по этому вопросу см.: Членова Н.Л. Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II – нач. I тыс. до н.э. // РА. 1995. № 4; Сборник материалов конференции «Россия и Восток». Ч.V. кн. I. П. Челябинск, 1995.

²² Fontenrose J. The Delphic Oracle. L., 1981. p. 162; Сагаляев А.М. Урало-алтайская мифология: символ и архетип. Новосибирск, 1991. С. 52 сл.; Селиванова Л.Л. Аполлоновы лебеди // ЧОЛМ С. 363–376.

мировосприятие древних было гармонично-цельным, как бы не различались между собой антология Парменида и огненный Логос Гераклита... Поэтому даже деликатная препарация идей и реалий их социума методом последующих эпох, как правило, оборачивается – пусть внешне подчас и малозаметно – неизбежной деформацией наследия прошлого. Рифей гипербореев – наглядный тому пример. Подобно мифологемному Тартару, который от изначальной Тэртэри Осогских гор Фракии удалялся по ходу греческой колонизации античной Ойкумены все далее на северо-восток (Киммерия) либо запад (Атлантика), Рифеи в силу тех же причин, возможно²³, тоже «отступали» в глубь просторов Евразии: от кельтских Альп – к киммерийским утесам Крыма, оттуда – к дако-гетским Карпатам или на восток, к Уралу. Причем у каждого из данных вариантов «прописки» Рифеев были всякий раз свои авторитетные античные имена. И когда в поисках «оптимальной» локализации Рифеев И.В.Куклина предприняла попытку «смещения» их с Урала на Тянь-Шань, вовсе не претендуя в 20 веке на пополнение рядов географов античного прошлого, тем не менее, она вступила с последним в серьезное противоречие, поскольку абсолютизация нарративной традиции античности вступила в очевидный конфликт со свидетельствами более ранней традиции Востока. Сакральной, заметим, традиции, ведь самые древние сообщения о Рипеях (Рифеях) на прародине ариев до их «исхода с севера» на земли Ирана и Индии доносят до нас тексты Авесты (Vd.II.8-26) и Вед (RV.III.5), недвусмысленно сообщавшие о выпавших и нетаявших глубоких снегах на землях под неподвижными (!) звездами «7 Риш», т.е. Большой Медведицы. Здесь же, согласно Авесте, некогда ежегодно шили к празднику Ардвисуры-Анахиты шубу из шкурок 4-жды рожавших бобрех (Jašt. V, 129). Последние, согласно палеозоологии²⁴, на Тянь-Шане и Памире никогда вообще не водились, так что упоминание их в сакральной традиции ариев восходит, очевидно, ко временам прародины, а репродуктивная деталь этих речных животных и ныне возможна лишь с тех широт Евразии, где природа осуществляет водораздел Волги, Камы, Белой и Урала²⁵... Совокупность этих и других²⁶ свидетельств поразительной общности ряда черт культуры, фольклора, религиозных архетипов и обрядов населения Ирана и Индии, с одной стороны, и ныне столь удаленных от них угров Евразии (венгров, хантов, манси), с другой, в равной

²³ Kiessling M. Ripaia orae / RE. 192¹⁴. Bd. I–A. Sp. 878 sq.

²⁴ Лавров Л.С. Бобры Палеоарктики. Воронеж, 1981. С. 252 сл. В этой связи локализация Рифеев на Алтае (см. работу Н.В.Полосьмак – прим. № 8 нашей статьи) также теряет свой резон.

²⁵ Гиришман Р. Иран и миграции индо-ариев и иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 143; Членова Н.Л. Указ. соч. С. 232–235.

²⁶ Подробный свод этих материалов впервые был дан в работе: Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1983. С. 90 слл.

мере имеющих, тем не менее, - пусть и смутно – генную память о Рифеях, делает вероятность их локализации на Урале на порядок убедительнее других версий.

При этом, что немаловажно подчеркнуть, мы не оказываемся и в ситуации парадокса «буриданова осла», поскольку сакральная традиция арийских Вед и Авесты, с их ностальгическими идеалам минувшего «золотого века» Йимы, вполне оказывается совместимой с «профанной» географией Рифеев Урала.

Оставим до времени в стороне обстоятельства визита Аристея на острова «блаженных гипербореев»²⁷. Однако выявленные раскопками Л.И.Ашихминой²⁸ шестиугольные (!) землянки эпохи бронзы на Печоре и верхней Вычегде, за полярным кругом, несут несомненные параллели известному у ариев Индии культу шестиногого небесного лося Шарапхе (шарп, сарп – «лось» у современных угров Оби), что дает основания не только для дальнейших раскопок в этих суровых ныне районах, но позволяет, пусть осторожно, строить определенные заключения об автохтонах этих мест и в предшествующие более теплые эпохи кануна резкого похолодания, отразившегося в Авесте (Vd. II, 8 sq).

Новейшие же генетические исследования полиморфизма ДНК методом геномной дактилоскопии населения Южного Урала и данные антропологии этого же региона за последнее 20–летие выявили как генетическую близость его жителей автохтонам более северных широт²⁹, так и несомненный гетерогенный микс с наличием пяти расовых типов населения этого региона³⁰.

В этом дистрибутиве вся работа еще впереди, но представляется вполне вероятным, что известные античной традиции дахи и саки–амиргии были, вероятно, носителями памиро–ферганского типа; андроновцы и абашевцы археологов – европеоидо–понтийцы (типологически едва не «земляки» Аристея); а известные Аристею и подробно

²⁷ Geisau H.v. Makaron Nesoi // Der Kleine Pauly. Bd. III. 1979. Sp. 908 sq.

²⁸ Ашихмина Л.И. К проблеме древних контактов индо-европейцев и финно-угров в Северном Приуралье (II тыс. до н.э.) // Россия и Восток. С. 19 сл.

²⁹ Хидиятова И.М., Хуснутдинова Э.К., Ивашенко Т.И., Рафиков Х.С. ПДРФ-анализ локусов MET и D7S23, сцепленных с геном муковисцидоза, в популяциях башкир и коми // Генетика. 1993. Т. 29. № 2. С.329-333; Хуснутдинова Э.К., Хидиятова И.М., Просняк М.И., Рафиков Х.С., Лимборская С.А. Анализ полиморфизма ДНК, выявляемого методом геномной дактилоскопии на основе ДНК фага M13, в популяциях башкир и коми // Генетика. 1994. Т. 30. № 12. С.1621-1625; Хуснутдинова Э.К. Молекулярная этногенетика народов Волго-Уральского региона. Уфа, 1999. С. 163 сл.

³⁰ Акимова М.С. Антропология населения лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху раннего железа // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972. С. 152-155; Акимова М.С. Антропологические исследования в Башкирии // Антропология и геногеография. М., 1974. С. 77 слл.; Юсупов Р.М. Краниологическая характеристика башкир в сопоставлении в финно-угорскими и тюркскими народами // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982. С. 101 сл; Его же. Краниологическое изучение башкир // Антропология и популяционная генетика башкир. Уфа, 1987. С. 77 слл.; Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н., Юсупов Р.М., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры. Этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002. С. 21 сл.

описанные Геродотом иирки, исседоны и тиссагеты представляли, скорее всего, автохтонную субуральскую расу.

Если при этом учесть еще одно обстоятельство, что генетический портрет современных эллинов (правда, с учетом последствий Великого переселения народов начала эры), включая 16 локусов с 32 аллелями, фиксируют несомненную близость к тюркам по 13 аллелям, к финно–уграм – по 22, а в 11 случаях – одновременно обоим (!)³¹, то попытки Аристеев отыскать возле Рифеев земляков Латоны и Аполлона не будут смотреться столь уж наивными. Зато в свете новых материалов археологии, генетики антропологии и других наук попытки современных сциентистов достичь разъединения «Логоса Аристеев» на сакральный идеал и «профанную» географию представляются все более метафизико–ригористичным наследием прошлого.

Принятые сокращения

ИЕ – История Европы, т.1, М., 1988.

ЧОАМ – Человек и общество в античном мире / Ред. Л.П.Маринович, М., 1998.

RE – Pauly's Realenciclopedia der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 1-83.
Stuttgart, 1893-1975

³¹ Назарова А.Ф., Алтухов С.М. Генетический портрет народов мира. М., 1999. С. 19-27 (локусы и аллели греков - с. 23).